

ЖИВАЯ СТАРИНА

2(50)'2006

Журнал о русском фольклоре
и традиционной культуре

Учредитель и инициатор возобновления издания
Государственный республиканский центр русского фольклора

Основан в 1890 году
Возобновлен в 1994 году

Руководитель издательского проекта
А.С. Каргин

Главный редактор **С.Ю. Неклюдов**

Редколлегия:

М.В. Ахметова (зам. главного редактора)

О.В. Белова

Л.Н. Виноградова

В.М. Гацак

М.А. Енговатова

А.Ф. Некрылова

В.Я. Петрухин

И.А. Разумова

С.М. Толстая

А.В. Чернецов

Ответственный секретарь редакции

А.С. Подгаец

Научные редакторы

С.П. Бушкевич, О.В. Трефилова

Макет и компьютерная верстка:

И.К. Дергунова, Т.В. Буриева

Обработка иллюстраций: **Д.Г. Краснов**

Адрес редакции: 119034,

Москва, Кропоткинский пер., 10

Тел.: (495) 246-8417, факс: (495) 246-3389

E-mail: crf@inbox.ru

(с указанием: для «Живой старины»)

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации Российской Федерации. Свидетельство № 01827 от 30 ноября 1992 г.

Подписано в печать 01.06.2006. Формат 60x90 1/8.

Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 8,0.

Тираж 3000 экз. Заказ 300. Цена договорная

Отпечатано в типографии

ООО «Финтекс» 950 экз.

Москва, ул. Кантемировская, д. 60

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна

© «Живая старина», 2006

На 1-й стр. обложки: Печной изразец из жилища начала XVII в. Ростовская обл., бассейн Северского Донца

На 4-й стр. обложки: Кладбище в с. Панфилово Муромского р-на Владимирской обл. 2005 г. Фото С.В. Проосиной

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕРВЫЙ ВСЕРОССИЙСКИЙ КОНГРЕСС ФОЛЬКЛОРИСТОВ ГЛАЗАМИ УЧАСТНИКОВ	2
РЕГИОНАЛЬНЫЙ ФОЛЬКЛОР: КАЗАКИ ДОНА И КУБАНИ Т.Ю. Власкина. Жилое пространство в лечебных практиках казаков Верхнего Дона	6
H.A. Ефимова. Локусы гаданий у казаков Верхнего Дона	9
C.A. Ткаченко. Дом в запретах и приметах донских казаков	11
Новеллистические сказки и байки станицы Динской. Публикация В.В. Запорожец	14
ФОЛЬКЛОР ФИННО-УГОРСКИХ НАРОДОВ И.А. Канева. Чудь в преданиях коми	18
H.B. Дранникова, Р. Ларсен. Чудь в фольклоре Норвегии и Русского Севера	20
A.A. Чувыров, В.Э. Шарапов. Местночтимые святыни у верхневычегодских коми	23
B.B. Напольских. Из современных знахарских практик удмуртов	26
СМЕРТЬ И ЗАГРОБНЫЙ МИР В ФОЛЬКЛОРЕ E.B. Сафонов. Умершие как персонажи современных рассказов о снах	29
B.E. Добровольская. «Умереть сегодня — страшно, а когда-нибудь — ничего...»	30
A.A. Соловьева. Загробный мир в представлениях пудожских детей	34
E.A. Титова. Еврейский похоронный обряд в Черновицкой области	37
«На сороковой день стоял шкаф — и как упадёт...» Публикация И.Л. Яковлевой	40
ЭКСПЕДИЦИИ T.C. Ильина. Магическое слово в деревнях Пудожского района	42
E.I. Якушкина. Этнографические материалы из западной Сербии	44
ЮБИЛЕИ B.G. Смолицкому — 80 лет	47
ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ Л.Н. Виноградова. Народный календарь восточнославянского населения Кубани	48
T.G. Иванова. Новые вологодские издания	49
A.B. Чернецов. «Грезвое и строгое научное изображение русского язычества»	51
A.L. Топорков. Сборник статей о современной мифологии	53
H.R. Тимонина. Новая литература по фольклору и этнографии	55
T.C. Канева. Новая литература по фольклору в Республике Коми	56
ПАМЯТИ УЧЕНЫХ Владимир Николаевич Топоров	57
Евгений Алексеевич Костюхин	58
Зоя Ивановна Власова	59
НАУЧНАЯ ХРОНИКА И.А. Седакова. Международная конференция «Календарная обрядность»	60
И.С. Веселова. «Морфология праздника». К 110-летию со дня рождения В.Я. Проппа	61
T.C. Канева. Научно-практический семинар «Итоги фольклорного года—2005» в Сыктывкаре	63

Е.В. САФРОНОВ

УМЕРШИЕ КАК ПЕРСОНАЖИ СОВРЕМЕННЫХ РАССКАЗОВ О СНАХ

В жанре рассказов о сновидениях покойники относятся к числу наиболее разработанных и частотных «инобытийных» персонажей. Если давать им общую характеристику, то можно говорить об амбивалентности как главной особенности их поведения.

«Противоречивость» поведения являющихся в снах покойников обычно трактуется как своеобразная «проекция» двойственного отношения к умершим у самих сновидцев!. «Исторические корни» этого явления со времен Августина Аврелия объяснялись связью его, с одной стороны, с почитанием умерших, а с другой — со страхом перед ними².

Данная амбивалентность на уровне метатекстовом (т.е. в пределах жанра рассказов о сновидениях) может быть проиллюстрирована при помощи определенных «бинарных оппозиций»: например, «умерший уводит (или зовет) в иной мир/выталкивает (или выводит) из инобытия»³. В конкретном тексте обычно образ умершего или негативен, или положителен.

В рассказах о сновидениях часто отмечаются некоторые особенности внешнего облика умерших персонажей, например *одинаковость* одежд (обычно белого или черного цвета), *необычность* (молодость, другая одежда, большой рост и т.п.). Например: «... и вот она, значит, наблюдает, что там [на "том" свете] ходят все в белых светлых одеждах» [1]; «... увидела маму в белой рубашке... Ростом она была раза в два выше [чем в реальности]» [2].

Важным оказывается и то, как именно предстает перед сновидцами покойник: «как живой» или с отчетливо выраженными признаками смерти. При этом в качестве упомянутых признаков называется, например, «холодность», «белый налет» и т.п. Например: «... он [приснившийся умерший дед] говорит: «Я с тобой пришел попрощаться, мы с тобой не виделись»; лицо у него почему-то с белым налетом...» [3].

Дополняя «портрет» инобытийных умерших персонажей, обозначим их некоторые типические действия («функции») по отношению к сновидцу.

1. Главная функция — **проводничество**. Поведение умершего-проводни-

ка складывается из следующих оппозиционных друг другу моментов:

— покойник может *спрашивать* согласия сновидца на «переход»: «Сестра, покойная, является ей во сне и говорит: «Хочешь, я тебе покажу, где я сейчас нахожусь?» — и, значит <...> она ведет ее за руку» [1]; но может и не спрашивать;

— проводник может *вести* в «иной мир» и может из него *уводить*: «А я стою [на "том" свете] и вот думаю, вдруг идет отчим <...> он умер, — взял за руку и говорит: «Да, а ты чё, Капитолин, здесь делаешь?» — взял за руку и увел [из инобытия]... И я, видно, проснулась или чё ли...» [4];

— проводник может сопровождать во время всего «путешествия» в ином мире, а может исчезать сразу же после того, как провел сновидца через «границу» миров: «[проводник привел сновидицу в иной мир, в котором она видит озеро] он говорит: «Смотри, — ты плачешь, — смотри», — сам куда-то делся» [5].

Соответственно, в «этом» мире сам сновидец может выступать в качестве проводника для умершего: «[снится погибший дед] ... выходит дед [из автобуса] и говорит: «Ну, что, пойдём?» Я говорю: «Ну, пойдём». Он говорит: «Ну, тогда веди меня, куда, я, — грит, — не знаю, где у вас идти-то». И я его пойду» [6].

Существуют также тексты, в которых в роли проводников выступают одновременно умерший и сакральный персонаж (например, покойный друг и девушка-«ангел»).

2. Вторую функцию (тесно коррелирующую с первой, однако все-таки заметно отличающуюся от нее) можно обозначить как **помощь/посредничество в умирании**.

Вообще при приближении «срока» кого-либо из живущих умершие начинают проявлять весьма заметную (по снам и не только) активность. В этот момент граница между мирами истончается и становится наиболее проницаемой с обеих сторон. Покойники (особенно родственники уходящего из нашего мира) принимают самое непосредственное участие в этом переходе.

Во-первых, нередко перед чьей-либо смертью (или — в более «смяг-

ченном» варианте — травмой, болезнью и т.п.) покойник приходит во сне, чтобы *позвать* или *увести* с собой.

При этом приход покойника не символизирует собой предстоящую смерть, а собственно ее *принесут*, ибо при определенной активности сновидца умирания можно избежать: в том случае, если сновидец не идет за покойником или останавливается на полпути, в реальности все заканчивается травмой, неприятностями, но не смертью. Например: «[снится умерший сын] «Идем, — говорит, — мама, со мной». Я ему: «А как же отец? Не пойду!» <...> А я потом с крыльца упала, две недели криком кричала» [7].

Любопытно, что умерший способен увести с собой не только человека: «Во сне приходит покойный муж, говорит: «Собаку заберу», — совершенно здоровая собака перестает есть и умирает через три дня...» [8].

Во-вторых, по достаточно распространенным представлениям, нашедшим свое отражение и в рассказах о сновидениях, перед чьей-либо смертью умершие (в основном родственники) *собираются вместе* — так же, как это делают представители нашего мира, съезжаясь на похороны своего близкого. «Незадолго до смерти мама видела сон, как будто к ней пришли все умершие наши родственники...» [9]; «Мне за полгода до его [деда] смерти приснилось, что я вижу всех своих родственников, умерших и живых, и они говорят мне, что такого-то числа твой дед умрет» [10].

Таким образом, «переходящий» границу между мирами, как бы меняющий свою «бытийную принадлежность» человек собирает вокруг себя всех родственников — и мертвых, и живых⁴. Он, его смерть — точка пересечения двух миров, необыкновенно тесного их сближения. Те, кто отсутствует, по какой-либо причине не принимает участия в этом «собирании», однозначно воспринимаются как нарушители, на которых обижаются: «Мне в ночь вот в эту же [ночь смерти бабушки] снится сон, как будто она ходит привидением по дому и говорит мне: «Ир, я умерла, а ты ко мне не приехала...»» [11].

По всей видимости, можно утверждать, что покойники в рассказах о снах, со своей стороны, как бы дополняют

те обряды «приобщения» умирающего и недавно умершего к миру иному, которые совершаются живыми обитателями нашего мира⁵.

3. Третья функция персонажей-покойников — **контроль** за соблюдением «законов» взаимоотношения между мирами.

Связь живых и мертвых фундаментальна и имеет огромное влияние на существование обоих миров: благополучие и неблагополучие двух соприкасающихся форм бытия часто связаны с правильным/неправильным поведением той или другой стороны. С этими представлениями связаны, например, сюжеты тех рассказов о сновидениях, в которых обитатель «того» света корит живых за какое-то нарушение правил, просит нечто (если живые забыли что-либо положить в гроб или как-то по-другому нарушили упомянутые «законы»).

Порой представитель иного мира обращается со своей просьбой не напрямую к непосредственному исполнителю, а к некоему посреднику: «... мальчик 7-8 лет говорит: "Сходи к маме, пусть денежки не присыпает мне" <...> Она говорит: "А я маму твою не знаю", — а он говорит: "Я тебе адрес дам", — и дал» [12].

На наш взгляд, в таких текстах выражается представление о том, что некоторые из живых более склонны к установлению коммуникации с иным миром, нежели другие. Такое понимание может выражаться непосредственно в самом рассказе о сне: «... я ее [бабушку] спрашивала: "Бабуль, почему мне всегда вот снятся люди... и вот мне говорят, чё они хотят". Она мне всегда говорила, что снятся люди умершие тем людям, которые передают их просьбу...» [13].

Кроме этого, можно назвать функцию **предупреждения** о каком-либо важном для сновидца реальном событии, а также функцию **помощи** сновидцу (исцеления, утешения). Список функций можно продолжить, однако именно названные нами выше составляют сюжетообразующую основу большинства рассказов о сновидениях, отражающих «контакт» между умершими и живыми.

Таким образом, в обрядах умерших персонажей сновидений отражено представление о том, что между мирами (нашим и «инобытием») осуществляется весьма активная коммуникация: при этом «информационный обмен» происходит на уровне вербального, «визуально-образного», предметного кодов. Необходимость в контакте есть с

обеих сторонах, однако главная роль (и, соответственно, более высокая потребность) в этой коммуникации принадлежит миру иному.

Примечания

¹ *Ле Гофф Ж.* Средневековый мир воображаемого. М., 2001. С. 356; *Разумова И.А.* Потаенное знание современной русской семьи. М., 2001. С. 119; *Еремина В.И.* Ритуал и фольклор. Л., 1991. С. 40–55; *Байбурина А.К.* Ритуал в традиционной культуре: структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб., 1993. С. 113.

² *Ле Гофф Ж.* Указ. соч. С. 356.

³ *Сафонов Е.В.* Рассказы о снах как фольклорный жанр // www.ruthenia.ru/folklore/safronov2.htm.

⁴ О мотиве «собирания родственников» см.: *Разумова И.А.* Указ. соч. С. 106, 292 и сл.; *Байбурина А.К.* Указ. соч. С. 187.

⁵ Об этой части ритуала похорон см.: *Геннеен А. ван.* Обряды перехода: Систематическое изучение обрядов. М., 2002. С. 134–150; *Байбурина А.К.* Указ. соч. С. 101–123; *Велецкая Н.Н.* Языческая символика славянских архаических ритуалов. М., 1978. С. 42–60; *Еремина В.И.* Указ. соч. С. 137–149; *Чистяков В.А.* Представления о дороге в загробный мир в русских похоронных притчаниях XIX–XX вв. // Обряды и обрядовый фольклор. М., 1982. С. 115.

Список информантов:

1. Галина Валентиновна Леонтьева, 1963 г.р., г. Ульяновск.
2. Ирина Николаевна Зотова, 1960 г.р., г. Ульяновск.
3. Елена Валентиновна Провоторова, 1973 г.р., г. Ульяновск.
4. Капитолина Борисовна Романова, около 70 лет, г. Ульяновск.
5. Валентина Николаевна Высоцкая, 1949 г.р., с. Барышская Слобода, Сурский р-н, Ульяновская обл.
6. Евгений Сергеевич Луковкин, 1983 г.р., г. Ульяновск.
7. Ольга Михайловна Видукова, 1923 г.р., с. Троицкий Сунгур, Новоспасский р-н, Ульяновская обл.
8. Любовь Ивановна Исачкина, 1957 г.р., род. в с. Попузы Базарно-Сызганского р-на Ульяновской обл., живет в г. Ульяновске.
9. Анна Васильевна Самиева, 1986 г.р., таджичка, род. в г. Душанбе, живет в г. Ульяновске.
10. Александр Александрович, около 23 лет, г. Ульяновск.
11. Ирина Владимировна Кочеткова, 1972 г.р., род. в с. Русская Бектяшка Сенгилеевского р-на Ульяновской обл., живет в г. Ульяновске.
12. Раиса Николаевна Филиппова, 1935 г.р., чuvашка, с. Малая Хомутерь, Барышский р-н, Ульяновская обл.
13. Екатерина Васильевна Горелова, 1959 г.р., г. Ульяновск.

В.Е. ДОБРОВОЛЬСКАЯ

«УМЕРЕТЬ СЕГОДНЯ – СТРАШНО, А КОГДА-НИБУДЬ – НИЧЕГО...»

Знаки, предвестия и предчувствия смерти в традиционной культуре Центральной России

Неизбежность смерти очевидна для каждого, но когда она наступит, людям знать не дано. Существует целый ряд магических действий с целью вызвать смерть человека: порча «на смерть»; преднамеренный удар топором о первые венцы строящегося дома; закладка дома «на голову» кого-либо из его обитателей; отпирание всех замков в доме и т.п. В то же время человек сам может целенаправленно совершать действия для приближения собственной смерти. Некоторые из них могли рассматриваться как особенно надежные: например, долго живущие на свете пожилые люди старались первыми переночевать в новом доме: «Если старики долго живут и всё никак не помрут, а сил жить-то нету, то они в новый дом старались попасть, первую ночь в нем провести. Все говорят: "Если старики в новом доме переночуют — смерть обретет". Это правда — так делали» [1]. Другой способ был довольно рискованным: старики просили дать им имя новорожденному из своей семьи, исходя из того, что «двум Иванам или там Катеринам на свете в одном доме не место» [2]. Однако большинство информантов считают этот способ ухода из жизни опасным и ненадежным: «Оно так, двум с одним именем в одном доме не жить, а только, может, помрет-то не старый, а малый, и старики опять жить останется» [3].

В традиционной культуре можно выделить две группы явлений, информирующих о приближении смерти. Первую, относительно небольшую группу, составляют явления, которые становятся известны человеку в результате его целенаправленных действий. Речь идет прежде всего о гаданиях, которые в данной статье рассматриваться не будут. Вторая формируется из проявлений случайного характера, ко-

ВАРВАРА ЕВГЕНЬЕВНА ДОБРОВОЛЬСКАЯ, канд. филол. наук; Государственный республиканский центр русского фольклора (Москва)